

ционно-утопических» проектов, отмечает: «К сожалению, общий тон российской фантастики в отношении будущего не особенно благоприятен для самой России. ...Современные отечественные фантасты крайне редко пишут о спокойном эволюционном развитии России. В подавляющем большинстве футуросценариев стране предсказано обильное кровопролитие: переворот, гражданская война, внешняя война, интервенция, «зачистки»... Или даже сочетание нескольких перечисленных катаклизмов»¹.

Но такая катастрофа-выход снова вернула бы нас в историю, и мы стали бы «историческим народом» — то есть тем, чем мы сейчас себя не чувствуем и не являемся. Не являемся, ибо не можем окончательно выбрать между либерально-рыночной и какой-нибудь из «реакционных» утопий, так как ни одна из них нам по большому счету не нравится.

Тот, кто не решается выбирать между двумя равно сомнительными утопиями, поневоле живет в двойной антиутопии. Понимая, что ничем хорошим такое житье не кончится, он предчувствует впереди катастрофу, но надеется, вслед за футурологами от общественных наук, что она будет предсказуемой, что новых страхов не появится. Мы находим повод для «сдержанного оптимизма» в том, что навсегда останемся лишь со своими старыми, известными страхами — перед возвратом изоляционистской империи, экстремистскими путчами, терактами, гражданской войной по образцу столетней давности или вечной войной западников и патриотов и т.д. И поэтому современная российская «антиутопия» описывает бесконечное приближение к катастрофе, которая, как ей хотелось бы надеяться, ничего не изменит.

2. «Третья империя»: христианство для избранных

Глобальный кризис проявил полную неготовность России к общественным переменам и экономическим потрясениям, а также глубокую зависимость страны от текущей конъюнктуры мировых рынков, находящихся за ее пределами. Проявленная слабость стала закономерным следствием всего предшествующего политического курса, лишённого стратегии долгосрочного развития. Ситуация дискредитации и тупиковости политического и экономического порядка последних десятилетий вызвала вполне ожидаемую реакцию российской общественной

¹ Володихин Д. Требуется осечка... Ближайшее будущее России в социальной фантастике // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 93.

мысли, направленную на то, чтобы предложить обществу более моральные, а следовательно, более приемлемые (легитимные) основания для нового общественного порядка. Речь идет о целях, выходящих за пределы привычного состояния и часто принимающих форму социальных утопий, раздвигающих прежние социальные горизонты.

*Реакция на тупик общественного развития:
«реакционные утопии»*

Одной из заметных интеллектуальных тенденций последних лет стали попытки преодолеть усиливающийся в России моральный коллапс, выражающийся в забвении базовых внеэкономических общечеловеческих ценностей, выразителем которых в эпоху становления капиталистической миросистемы служило христианство. Парадокс в том, что преодоление морального коллапса в условиях экономической стагнации приобретает весьма странную, архаическую форму. Все более популярными становятся дискурсы относительно самоисключения России из глобального мира, активно обсуждаются концепции экономической автаркии и суверенной цивилизации, в жизни общества усиливаются позиции Русской православной церкви. Значительной частью ученых, экспертов и населения представляется очевидным, что Россия многое потеряла в процессе глобализации, а резкое ухудшение экономического положения страны лишь подтверждает данную мысль в общественном сознании. Поэтому, раз страна занимает не то место в миросистеме, логичным представляется ее выход из миросистемы и возврат к неким идеализируемым «традиционным» христианским ценностям. Подобный путь представлен в активно продвигаемых ныне образцах дискурсов, таких как «Проект Россия»¹ или «Воины креатива»².

На фоне привычных для современной России антиутопий, дистопий и разного рода (пост-) апокалиптики, среди всех книг, принадлежащих к классу «реакционных утопий», едва ли не единственный оригинальный образец социально-политической утопии предложен в книге М. Юрьева «Третья империя»³. Книга привлекает внимание

¹ См.: Проект Россия. М.: Эксмо, 2007. — 384 с.; Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2007. — 448 с.; Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М.: Эксмо, 2009. — 448 с.

² См.: Воины креатива. Главная книга 2008–2012. М.: Эксмо, 2008. — 256 с.; Воины Креатива. Праведный Меч. М.: Эксмо, 2008. — 320 с.

³ Юрьев М. Третья империя: Россия, которая должна быть. СПб.-М.: Лимбус Пресс; Изд-во К. Тублина, 2007. Далее все ссылки на эту книгу будут приводиться в тексте, в скобках.

не только своим содержанием, но и формой. Содержание ее не является слишком неожиданным — проекты ускоренной модернизации России через автаркию, где на первом месте присутствуют задачи экономического развития, высказывались данным автором и раньше¹. Однако в «Третьей империи» М. Юрьев придал этим проектам утопическую форму, по образцу Мора и Кампанеллы, и дополнил их теологическим обоснованием. Чтобы преодолеть актуальный моральный коллапс российского общества, объединить Россию вокруг новых ценностей и целей, автор выстроил собственное видение оптимального сочетания базовых христианских ценностей (в их православной трактовке) и оригинальной модели «закрытого капитализма», эффективно функционирующего в условиях автаркии.

Было бы правильным поэтому назвать книгу М. Юрьева «реакционной утопией», если бы сегодня слово «утопия» означало то же самое, что и 50 лет назад. Прогрессистские, социалистические, анархические, либеральные утопии эпохи Модерна не описывали будущего в деталях, как творения Мора, Кампанеллы, Фурье и Кабе. Они намечали социальный идеал, обосновывали неизбежность его достижения, намечали программу преобразований, посредством которой идеал будет достигнут и, что принципиально, указывали социального субъекта, который должен был воплотить в жизнь эту программу. Такими субъектами не были энтузиасты-герои, мудрые правители, «добрые люди» вообще и т.д. — это были определенные социальные группы, классы. Утопии реакционного толка волей-неволей должны были повторять структуру и логику своих леволиберальных оппонентов.

Современная ситуация в области политической мысли отличается как раз тем, что исчез социальный субъект, подобный прежнему. Именно это стало причиной имеющего сейчас место заката эпохи идеологий и утопий левого и правого толка как специфических современных форм политической мысли. Сегодня тот, кто хочет предложить свое видение будущего, свой социальный идеал, оказывается в положении, сходном с положением первых утопистов — он может охарактеризовать субъекта желаемых им преобразований с идейной точки зрения, но не может описать его в социологических категориях.

¹ Помимо «Третьей империи» М. Юрьев является соавтором сборника «Крепость Россия». Оба проекта работают на одну идею — Россия будет или отдельной мир-империей (цивилизацией), или она потеряет свое место на политической карте глобализирующегося и все более космополитичного мира: *Юрьев М.* Крепость Россия: концепция для Президента // Новая газета. 15 марта 2004 г. См. также: *Леонтьев М., Юрьев М., Хазин М., Уткин А.* Крепость Россия. Прощание с либерализмом. М.: Эксмо, 2005. — 192 с.; *Леонтьев М., Невзоров А.* и др. Крепость «Россия». М.: Яуза; Эксмо, 2008. — 320 с.

В XXI в. политический мыслитель, имеющий перед своими глазами образ желанного будущего, вновь вынужден обращаться к «Богу, царю и герою». Все вместе или по отдельности, они повернут историю в «правильное» русло, реализуют кажущийся необходимым политической проект, а заодно и создадут социального субъекта, который послужит инструментом для достижения данной цели. Именно к такому типу отчасти домодернового, отчасти постмодернового политического мышления относится разбираемая нами концепция «Третьей империи».

Интеллектуальные проекты, инициированные с участием М. Юрьева, — «Третья империя» и «Крепость Россия», — по сути, проекты ускоренной модернизации России через автаркию, где на первой план выступают задачи экономического развития. Это весьма оригинальные концепции, развивающие тезисы А. Паршева¹ о том, что гипотеза Д. Рикардо о взаимовыгодности экономического обмена разными товарами для любых государств в отношении России не работает.

М. Юрьев исходит из того, что преимуществами глобализации и открытости, несмотря на декларации равного для всех доступа к возможностям и ресурсам, реально могут воспользоваться только гегемоны актуальной капиталистической миросистемы в лице США и Европы. А сопутствующее глобализации обострение морального коллапса, трактуемое Юрьевым как разложение традиционной морали, семейных и патриотических ценностей, является целенаправленной технологией экономического, политического и демографического ослабления мировой периферии. Поэтому для противодействия такому развитию событий требуется закрытость от несправедливых экономических обменов с гегемонами миросистемы. У Юрьева это своего рода утопия антиглобалистского «упорядоченного» и географически поделенного между цивилизациями мирового пространства, противостоящая популярной ныне либеральной концепции «плоского мира» Т. Фридмана, предполагающей технологическое выравнивание возможностей всех сегментов миросистемы². Поэтому для России и всего незападного мира, в число гегемонов не входящего, грамотное «отключение» от глобализации в виде «вестернизации» может стать условием генерации всевозможных экономических и стратегических преимуществ в будущем. Это своего рода альтернативный проект цивилизационной глобализации без унификации,

¹ См.: *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост-9Д, 1999.

² См.: *Фридман Т.* Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ: АСТ-Москва, 2007.

когда весь мир будет полностью поделен на пять автономных цивилизаций, руководствующихся в своих внутренних делах собственными оригинальными ценностями и принципами, без оглядки на остальной мир.

*Спаси мир от антихриста:
цивилизационная изоляция*

Детально проработанный проект автаркичной «третьей империи» М. Юрьева заслуживает подробного анализа как в силу предельно полного и масштабного описания нового общества, так и того, что ценностные основания «третьей империи» напрямую черпаются в типичных дискурсах цивилизационизма, «уникального пути», воскрешения православия как государственной религии и возврата к идеальному «моральному обществу» прошлого. Подобная реконструкция Великой России предполагает отказ от современности и проекта Модерна, от глобализации и модерновых идеологий, от привнесенной в Россию извне представительной демократии и модели открытого рыночного капитализма, связанной с достижением глобальной конкурентоспособности. При этом следует учитывать, что замысел, лежащий в основе утопии М. Юрьева, не столько экономический и политический, сколько религиозный, миротворительный. Точнее, политика и экономика подчиняются в нем религиозному мировидению. Предлагаемое Юрьевым политическое и социальное устройство «третьей империи», как и политическое устройство мира, в первую очередь преследуют цель если не предотвращения (как христианин, Юрьев не может допускать такого варианта), то максимально возможной отсрочки конца света. Цель существования империи заключается в том, чтобы свидетельствовать перед Богом, что род человеческий не совсем безнадежен, примером чему и является построение в границах империи Царства Правды, Империи Добра, подобия Царства Божьего на земле, как это записано в Конституции проектируемого автором государства (с. 90). Только в свете этой миротворительной цели любые конкретные мероприятия, предлагаемые Юрьевым в его утопическом проекте, обретают смысл и становятся частями стройной религиозно-политической концепции.

Очевидно, что подобная установка глубоко укоренена в религиозной традиции христианства, откуда Юрьев масштабно заимствует интегральные элементы своей концепции. Отсюда и его исходные антиглобалистские отсылки к Апокалипсису Иоанна, где предсказано, что антихрист придет в смутные времена мира, когда ужасы, обрушившиеся на раздробленное человечество, окажутся столь велики, что люди

с радостью начнут искать спасения в едином мировом государстве. Возникнет это государство благодаря усилиям антихриста, и он же его возглавит. Мировой хаос, предшествующий такому повороту истории, произойдет вследствие того, что прежний «центр стабильности», так называемый «Вавилон»¹, ослабеет, утратит былой авторитет и против него восстанут цари и народы. Для Юрьева глобализация мира и либерально-гуманистические ценности, якобы отменяющие христианскую веру, являются ни больше, ни меньше как предвестием пришествия антихриста, который объединит весь мир перед апокалипсисом (с. 91, 142, 292).

Соответственно, для предотвращения катастрофы требуется новый духовный центр. В православии идею спасения воплощает так называемый Катехон, обычно (но не всегда) понимаемый как государство, стоящее на страже мировой стабильности и порядка. И как раз российская цивилизация призвана играть эту роль, в то же время избегая мирового господства: «Чтобы неправда не оказалась в твоих пределах, надо быть закрытым» (с. 292). Примечательно, что достигается эта цель путем построения довольно милитаристского государства, постоянных провокаций и участия в межцивилизационных конфликтах малой интенсивности. Кредо нового российского императора состоит в том, что «большая война — зло, а полный мир — зло ненамного меньше» (с. 132).

Сюжет утопии построен на том, что в ближайшем будущем на смену постоянно дробящимся и теряющим суверенитет нациям-государствам (суверенитет их базируется только на удержании постоянно уменьшающейся территории) придут государства-империи, представляющие собой отдельные автономные цивилизации, чье земное существование регулируется из области их уникального культурно-религиозного дискурса. В «третьей империи» предполагается согласовать преимущества капитализма с базовой христианской моралью с помощью экономической модели христианского капитализма, в которой отсутствует ссудный процент. Более того, основой «третьей империи» станет не земной общественный договор граждан России, а построение «подобия» Царства Божьего на земле. Поскольку только подобные задачи, выходящие за рамки утилитарной и ограниченной рыночной логики, пронизывающей современную политику, способны выявить «дух народа», позволяющий населению стать чем-то большим, чем просто суммой индивидов с конфликтующими земными интересами.

¹ В. Цымбурский остроумно и небезосновательно назвал этот Вавилон «безблагодатным Катехоном»: *Цымбурский В.Л.* Апокалипсис на сегодня // Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 527.

Прагматические экономические допущения утопии М. Юрьева основаны на идее, что Россия сможет модернизироваться и обрести могущество не путем присоединения к глобализирующемуся миру, которое будет способствовать выкачиванию ресурсов из страны, а, наоборот — только через автаркию, построение «Крепости России»: «Независимость нации и государства превыше всего. Любое же взаимодействие с окружающим миром есть вступление в зависимость от него, и чем сильнее взаимодействие, тем сильнее зависимость; в какой-то момент она становится критической, и для нас он уже наступил.... Важно, чтобы все хозяйствующие субъекты (как, впрочем, и не хозяйствующие) постепенно привыкли, в том числе на подсознательном уровне, уровне общественных архетипов, что всё для них — и обогащение и разорение, и возвышение и падение, и счастье и несчастье — находится между западной и восточной границами России, и нигде больше; и если уж вдруг в границах станет тесно, то не пересекать их надо, а расширять. Тогда, и только тогда, опять станет Россия державой, а не территорией, а мы все — нацией, а не населением»¹.

В качестве удачных примеров закрытой модернизации М. Юрьевым упоминается опыт выхода из экономической депрессии нацистского рейха и советской индустриализации 1930-х гг., успешно проведенных во враждебном окружении. Видимо, враждебное окружение вообще воспринимается им как непереносимый стимул для форсированной модернизации.

Согласно книге, к середине XXI в. мир будет поделен между пятью цивилизациями-государствами: Российской империей (Россия в границах СССР, Европа и Израиль), Американской федерацией (Северная и Южная Америка), Исламским халифатом (Африка и Ближний Восток), Поднебесной республикой (Китай с сателлитами и Австралия) и Индийской конфедерацией. Каждая цивилизация как макрорегион будет включать не менее миллиарда населения, что позволит ей создать автономный внутренний рынок, достаточно разнообразный и независимый от внешнего мира. Первой к 2030 г. сформируется Российская империя, в состав которой сначала добровольно, на основании всенародных референдумов, войдут постсоветские республики, а затем и вся остальная Европа, включая Турцию и Израиль (как единственную удаленную территорию).

Построение нового мирового порядка произойдет огнем и мечом, хотя Россия имеет все возможности сделать это бескровно. При этом русские воины откажутся от новейших вооружений, позволяющих

¹ Юрьев М. Крепость Россия: концепция для Президента // Новая газета. 15 марта 2004 г.

поражать противника на расстоянии, демонстрируя личную доблесть и мужество в смертельно опасных условиях. Да и управляемые конфликты между цивилизациями в мире будущего скорее походят на языческие забавы в римских цирках, чем на построение «аналога» Царства Божьего на земле.

Благодаря секретным технологиям Россия в 2020 г. получает шанс стать единственной сверхдержавой. Но перспектива стать новым Вавилоном правителями России отвергается, в силу того что любое господство, тем более всемирное, временно. Пик могущества, которое может стать глобальным, обычно означает начало конца, ибо перестают существовать иные цели, кроме ловушки мирового господства, в которую попадали все империи прошлого: «Центральная идея Третьей империи, сама суть ее существования состоит в том, что она и должна быть Царством Правды. Но Царство Правды может существовать лишь в ситуации оппозиции по отношению к своей противоположности, следовательно, должно быть и царство неправды, натиск которого сдерживает Империя: именно так русские себя и ощущают. Если же весь мир станет одним государством, то неправда окажется внутри него — в этом и есть смысл пророчества Апокалипсиса. Это может случиться не только тогда, когда тебя завоюют, но равно и тогда, когда ты сам завоюешь весь мир» (с. 292).

Пассаж насчет оставления неправды за границами империи выглядит не совсем понятно. Возможно, этот аргумент хорош в качестве лозунга, но, конечно, Юрьев вряд ли хочет сказать, что внутри границ «третьей империи» исчезнет всякая неправда, как разновидность зла. Вообще зло, в соответствии с христианским представлением о природе человека, находится внутри него и ни за какую имперскую границу изгнано быть не может. Речь, по-видимому, идет о некоторых видах социального зла, сужающих возможности спасения души, то есть о таких социальных и экономических практиках, когда человек вынужден больше заботиться не о спасении, но о приобретении различных земных благ, о наживе, телесных удовольствиях и т.д. Эти виды зла в Империи Юрьева существенно ограничены, хотя, вообще-то, ее экономический строй можно назвать вполне капиталистическим — есть в нем и частная собственность, и богатые, и бедные.

Иными словами, мир, возникший в воображении М. Юрьева, уже на макроуровне устроен таким образом, чтобы если не исключить возникновение дестабилизирующего планету хаоса, то минимизировать вероятность его возникновения. Цивилизационная разделенность нового мира — это предусмотрительная мера в контексте Апокалипсиса Иоанна, своего рода первая преграда на пути будущего антихриста: неоткуда взяться «десяти царям, которые еще не получили царст-

ва» и которые в конце времен восстанут на Вавилон¹. Понятно, что одной преграды на пути антихриста недостаточно. Для мыслящего с учетом перспективы апокалипсиса еще более важна другая задача: как не допустить превращения имеющегося подлинного Катехона (в данном случае — «третьей империи») в «безблагодатный Катехон», то есть в Вавилон. М. Юрьев решает эту задачу следующим образом.

В «третьей империи» (первая империя включает Московское царство и период правления Романовых, вторая — период СССР) предполагается полный пересмотр современных (современных) общественных ценностей в целях воссоздания «империи», «духа народа» и спасения души каждого православного гражданина. (При этом непонятно, какие конечные цели будут у тех, кто не является православным; в империи таких тоже немало, несмотря на ассимиляцию.) Соответственно «идеологическое обеспечение изоляционизма путем создания непреодолимых цивилизационных различий — решается не столько ограничениями, сколько созданием нового, своего...»². Но это новое опять-таки оказывается весьма ограниченным, оказывается не раз отвергнутыми историческими рецептами, а потому существуют серьезные опасения, что оно будет вновь отвергнуто в пользу внешних сообразов, как это часто происходило в закрытых обществах.

На всероссийском референдуме в Империи утверждена новая конституция, в которой прописаны основные принципы существования общества. Россию отличает от остального мира такой принцип общественного устройства, как сословность, и два принципа самоидентификации: автономность (независимость от внешнего мира) и национализм (с. 65). Утопическая Россия будущего — государство, которое исходит из того, что главной целью человека является спасение и жизнь вечная, поэтому все земные интересы людей второстепенны для целей этого государства (с. 63–64). Более того, предполагается максимальное растворение жизни индивидуальной в жизни общественной, поскольку спасение в православии тоже коллективное — спастись могут либо все, либо никто. Критерии «человека экономического», богатства и бедности в логике такого государства не имеют никакого значения. В конституции Империи особо подчеркивается, что «...сугубо личные и земные цели отдельных людей не являются предметом конституции, поскольку вообще не интересуют государство; они могут преследоваться людьми любым способом, не противореча-

¹ См.: Откровение Иоанна Богослова, 17 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В 2 т. Л.: [Б. и.], 1990.

² Юрьев М. Крепость Россия: концепция для Президента // Новая газета. 15 марта 2004 г.

шим истинным целям государства, и регулируются государством исходя из соображений управленческой целесообразности при соблюдении принципа минимального вмешательства» (с. 64).

Принцип автономности определяется как «стремление к минимизации взаимодействия и взаимозависимости с другими государствами; в российской публицистике этот принцип обычно называется “крепость Россия”» (с. 275–276). Данный принцип заключается в минимизации межцивилизационных контактов, которые несут цивилизациям скорее вред, чем пользу.

Таким образом, прагматический смысл автаркии в том, что «Русская цивилизация считает себя самодостаточной: все, что ей надо — и в материальном, и в духовном смысле, — она может произвести сама. Для русских не является аргументом, что кто-то может сделать что-то лучше, чем они: в их представлении им это не нужно, либо они напрягутся и смогут сделать не хуже» (с. 278). Поэтому другие цивилизации — не равные, и не худшие, они просто чужие, которые никогда не станут «своими». Но главная цель автаркии вовсе не экономическая и не культурная. Более верным будет сказать, что экономическая и культурная автаркия — лишь средство для того, чтобы создать вторую преграду для антихриста: помешать Катехону переродиться в Вавилон. Апокалипсический Вавилон — это государство, имеющее тесные и обширные торговые и культурные связи со всем миром. «Великая блудница» «яростным вином блудодеяния своего... напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее»¹. Такого обвинения нельзя будет предъявить «третьей империи» с ее автаркичной экономикой, минимальным экспортом-импортом, замкнутой на себя культурой и не имеющим аналогов общественным устройством.

*Христианство для народа,
язычество для элиты*

Общество в Империи делится на три сословия: служивое (военные и чиновники), иначе называемое «опричники», которое составит около 2% населения; духовное сословие, независимое в своих делах от государства (при ведущей роли Православия как единственной государственной религии, чей приоритет закреплен законодательно), и податное сословие — «земцев», составляющих 95% населения. Предполагается, что каждый человек по достижении совершеннолетия в 15 лет вправе сво-

¹ Откровение Иоанна Богослова, 18:2-3 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В 2 т. Л.: [Б. и.], 1990.

бодно выбрать свою национальность, религию и сословие. Однако в другом месте книги мы узнаем, что опричником может стать только православный гражданин, а в школе обязателен для всех такой предмет, как Закон Божий, сызмальства призванный заложить в граждан основы удобной для империи верноподданнической морали. Причем дети атеистов во время изучения Закона Божьего будут выполнять разную черновую работу типа мытья полов (с. 494). И тот факт, что этот школьный предмет в Российской империи изжил себя еще в XIX в., дискредитировав Церковь, и породил массу революционеров, М. Юрьевым и нынешними российским реформаторами образования в расчет не берется.

Предполагается, что в своих общих гражданских правах все сословия будут равны, но политические права в новом обществе будут иметь только «опричники». То есть только те граждане, которые берут на себя общественные обязанности — служить, воевать, жертвовать собой во имя государства и общественных интересов. Поэтому основная характеристика опричников как элиты — это способность к самопожертвованию ради Отечества. Опричнина имеет моральное право принимать за остальных политические решения, а не право в силу занятия неких назначаемых или выборных постов во властной и иных иерархиях. При этом жертвование и аскеза ради себя в расчет не берутся, из-за эгоистического мотива. Кроме того, опричники не могут заниматься бизнесом, размер их состояния и жалованья ограничен, а честность проверяется периодическими «технодопросами» с использованием «сыворотки правды». Опричники раз в 10 лет выбирают из своих рядов самодержца России — главное должностное лицо.

Опричники и духовные лица дают обеты нестяжания и аскетичного образа жизни. Собственно, само выделение этих сословий производится в целях разведения логики экономической, связанной с накоплением богатства, и логики власти, руководствующейся общим долгосрочным интересом, противоречащим текущему накоплению. Без разделения высшей сакральной (внеэкономической) логики власти и «человека экономического», без выделения специального сословия, для которого «идея государства» превыше всего, все реформы, по мысли Юрьева, бессмысленны.

Впрочем, в истории человечества и в истории Церкви ничто не мешало элитам нарушать свои обеты и присяги. Церковники и опричники в «третьей империи», по сути, образуют нечто внешне и чуждое по отношению к остальным 98% населения, как монголы в завоеванном ими Китае: «Носителем веры опричники видят Церковь и духовенство, а носителем справедливости — державу и себя. Поэтому в отношении к другим людям справедливость заменяет им любовь...» (с. 620). Тем более что «не так Бог любит веру, как правду». Однако, несмотря

на декларации о защите населения и справедливости, все эти благие помыслы перечеркивает тот простой пример, что опричник может убить земца просто за личное оскорбление или даже за жестокое обращение с собакой — символом опричнины (с. 190–191). Опричники служат государству как высшей ценности, поэтому простой гражданин для них — почти никто, как смерд для дружинника.

Правда, отсутствие политических прав у податного сословия отчасти компенсируется информационной прозрачностью и открытостью государства, правом всех граждан участвовать в публичных дискуссиях и получать от чиновников ответы на любые свои запросы. В Империи проводится четкое различие между самоуправляемыми общинами, где все граждане имеют право голоса, и государством, которое есть «не территория и не населения, а идея. Соответственно факт того, что вы житель государства, не достаточен для права управлять им — поэтому это право отдельное; чтобы его получить, надо принадлежать не к населению, а к идее» (с. 598).

Есть и символическая компенсация политического бесправия: предполагаются социальные технологии братания в виде обязательных для всех коллективных застолий по воскресеньям, периодических «братчин», коллективных увеселительных мероприятий, в которых люди участвуют вне зависимости от сословий. Кроме того, опричники время от времени должны выполнять неквалифицированные физические работы, чтобы не отрываться от податного населения, а церковники — странствовать по городам и весям. Но все это скорее походит на фарисейство со стороны высших сословий, что-то вроде «надзора», чем на заботу о «стаде», которое они стремятся защищать и направлять.

Очевидно, что в современных сложных обществах, которые не охватить одной религией или идеологией, понимание справедливости у людей разное. Но «третья империя» вовсе не предполагает никаких форм достижения общественного согласия. Автор даже говорит, что у каждого из сословий, по сути, своя русская идея. У духовного сословия она эсхатологическая, у опричников — имперская, у податного сословия — прогресса. Эти идеи весьма различны между собою, хотя каким-то мистическим образом сплавляются в одну идею — Третьего Рима (с. 236–238). М. Юрьев проводит прямые параллели между опричниками как овчарками и остальным населением как стадом. Соответственно, что можно ждать от опричников, стремящихся «жить, не будучи связанным ни обществом, ни семьей, ни имуществом, как волкодав среди стада овец, пока не сложишь голову за свою страну» (с. 140). Вот только есть ли у таких людей «своя страна», с которой их связывает что-то действительно человеческое, кроме того, что эта страна их кормит и обеспечивает, хотя людей, которые это делают,

опричники втайне презирают, считая ниже себя. Например, связать себя узами брака с земцем считается для опричника чем-то вроде одолжения низшему (с. 197).

Было бы наивно полагать, что с описанным выше сословным кодексом чести опричнина не переродится в закрытую касту, в господствующее сословие, которое в итоге подчинит и население, и государство выполнению собственных целей — продлевать свое господство как можно дольше, пресекая любые альтернативы. А идеологическая легитимация этого господства может черпаться в не критично смешиваемых христианстве, национализме, риторике справедливости, государственности, защиты общества и т.п. Возможно, опричники действительно не будут стяжать материальное богатство, но кто удержит их от других грехов, к которым провоцирует образ жизни их сословия — властолюбия, гордыни, честолюбия, жестокости? Ведь руководствуются они принципами государственной целесообразности, а не любовью к другим людям. Моральные принципы этой целесообразности весьма размыты. Это не то, что может претендовать на всеобщую мораль, но пример именно локальной, ограниченной сословной морали, которая ставится выше общехристианской. Наконец, такие пороки, как прием наркотиков, пьянки, сексуальные оргии входят чуть ли не в обязательную программу воскресного отдыха опричников (с. 182–183). Таких «государственных людей» будет неизбежно коррумтировать не тлетворный либерализм, богатство или семья, а сама принадлежность к привилегированному сословию, оформление наследственного характера которого на практике станет лишь вопросом времени.

В целом описание ключевого для «третьей империи» сословия опричников выявляет много их типичных языческих доблестей. Это сословие имеет ряд безусловно привлекательных качеств; даваемые опричниками обеты служения, умеренности и чести вызывают как минимум уважение. Но эти воинские доблести сами по себе отношения к христианству не имеют. Сходного рода обеты мог с равным успехом принять рыцарь, самурай, мамелюк, кшатрий и т.д. При детализации обетов обнаруживается, что, к примеру, обязательство опричников помогать всем особо беззащитным, проявлять нетерпимость ко злу проистекает у них не из любви и милосердия, а из чувства чести. Поэтому правомерна безотчетная нелюбовь к ним со стороны большинства земцев. Нельзя любить надменную касту, которая всегда готова при неповиновении третьего сословия утопить любой бунт в крови, поскольку служит в первую очередь не народу, а «третьей империи» и ее миротворительному проекту. Нельзя любить тех, чьи отличия от прочих столь велики, что «опричники и земцы — это практически разные биологические виды» (с. 197), причем первые считают себя и в духовном смыс-

ле высшими существами. Ведь формально являясь православными, они нередко исповедуют нечто еретическое — учение о неоднократном возвращении души на землю после смерти (с. 139); но данная привилегия касается только их самих, воинов. Правда, автор утверждает, что такой специфический вариант учения о метемпсихозе с элементами стоицизма прямо православным догматам не противоречит (с. 479). Следует отметить, что многие опричники верят: когда явится антихрист, они не пустят его в пределы империи, а разобьют на ее границах. Как это соотносится с пророчеством Апокалипсиса, где ничего подобного не сказано, а, напротив, говорится, что антихристу подчинится весь мир и до Армагеддона никто его нигде не победит, непонятно.

Надо учесть, что опричники — базовый элемент всей умозрительной схемы Юрьева. Выдерни этот элемент — рассыплется «третья империя», а вслед за нею и все остальное мироустройство, предназначенное для того, чтобы в рамках Империи создать условия для спасения людей, а в рамках планеты — задержать наступление апокалипсиса. И поэтому очень странно, что в столь очевидно мотивированной христианской верой утопии ключевое место отдано сословию с не слишком-то христианским этосом. Еще более удивительно, что «Царство Правды», «Империя Добра», даже подобие «Царства Божьего на земле» в итоге оказываются обществом «со служилым сословием и милитаристской этикой во главе» и что это общество «нуждается для самосохранения в постоянных войнах низкого уровня интенсивности, примерно, — замечает американский гость автора, — как у наших индейцев до прихода европейцев» (с. 132).

В целом «Третья империя» предполагает возврат к традиционному обществу, к разным избирательно ценным для новой утопии периодам и практикам, имевшим место в России в разные периоды ее существования, и обернутым в дополнительную упаковку национализма, изоляционизма и патриотизма. В Империи утверждается примат политических интересов государства и христианской миссии империи (Катехон) над любыми экономическими интересами, что призвано избавить общество от морального коллапса. Хотя общество при этом и остается капиталистическим. Функционирование идеократической православной империи предполагает снижение свободы и субъектности отдельных граждан, доминирование государства над обществом, а коллектива над человеком, усиление внешних социальных и внутренних запретов и регуляторов, индоктринируемых через системы воспитания, обучения и права. Это возрождение форм коллективного контроля всех за каждым, искусственное наращивание взаимозависимости людей и значимости общественной оценки. Все это во многом напоминает советскую систему, формирующую общественно лояль-

ного гражданина, которая разрушилась, когда большинство людей стали жить в урбанистическом обществе, предполагающем высокую индивидуальную автономию каждого и снижение плотности социального контроля, присущего разным формам общинности и коллективизма. Советские люди в конце XX в. незаметно для идеологической системы вышли из несовершеннолетия и стали относительно свободными в своих моральных и иных оценках вопреки системе социального воспитания и государственного контроля. Модель советской коллективности, которая воспроизводила модифицированные общинные структуры социальности, стала архаичной в индустриально-урбанистическом обществе Модерна и в итоге была разрушена рождением советской личности из социалистического коллектива.

Можно ли наивно полагать, что современные люди в силу каких-либо причин откажутся от своей моральной и интеллектуальной автономии в пользу проекта, предполагающего их обратное превращение в поданных «третьей империи», чья жизнь подлежит жесткому внешнему контролю, в том числе в виде множества внешних и внутренних запретов, во имя построения царства справедливости на земле? Причем эта справедливость оказывается весьма избирательного действия, основанной по сути своей на иррациональных ценностях и иерархиях, разрушаемой любыми попытками ее рационализации. Это вариант возврата от идеологий (как светских религий) к предшествующей им вере, предусматривающей только принятие существующего общественного порядка как легитимного, но не предполагающего осмысления этого «органического» порядка, тем более его критики. И хотя новая русская утопия не запрещает общественные дискуссии и «свободу быть услышанным», но граждане не имеют права подвергать сомнению ценности веры государства. Споры могут вестись только о технических по сути своей вещах, связанных с оптимизацией уже существующего строя. Сакральные истины «третьей империи» принадлежат церкви и государству, но не обществу, которое находится в подчиненном положении, а составляющими его людьми можно жертвовать во имя сверхцелей.

Назад в будущее?

Перспектива цивилизационной автаркии «третьей империи» предполагает отказ империи-государства от христианских ценностей, которые могли бы стать универсальными и эгалитарными для всего мира. И отказ этот производится не в пользу ценностей либеральных и секулярных, но скорее в пользу ценностей дохристианских, цивилизационных, сословных и племенных, то есть тех, которые христианство, собственно, и хотело преодолеть. И действительно, развернутое опи-

сание «третьей империи» выявляет ее вовсе не христианскую ценностную подоплеку, хотя главной целью этой империи объявляется создание всех возможных общественных условий для спасения души каждого гражданина и отсрочки пришествия в мир антихриста. Однако все христианские ценности в Империи — это ценности уникальной идентичности, ценности отличия, осознаваемые в их противопоставлении врагу, другому, чужому, ибо именно он позволяет носителю этих ценностей осознать и проявить их в ходе конфликтного взаимодействия. Сами по себе эти ценности в утопическом российском обществе без поддержки врагов и «Большого брата» почему-то не устанавливаются, а на остальной мир и вовсе не распространяются. Не потому ли вроде бы христианское «Царство Правды» М. Юрьева обречено общаться с внешним миром по законам первобытного племени, где все чужие — люди неполноценные?

В итоге реакционная утопия «третьей империи» предлагает преодолеть нынешнюю ситуацию морального коллапса путем возврата в отдаленное прошлое. Но это прошлое при более пристальном рассмотрении мало обнадеживает, являя образцы еще более ограниченной морали, чем та, которую мы можем наблюдать в актуальном состоянии морального коллапса. Утопия «третьей империи» невольно превращается в антиутопию, лишней раз подтверждая, что дискурсы самоисключения России из «враждебного мира», какими бы благими намерениями они ни были инициированы — видимо, тупиковая ветвь общественной дискуссии о будущем для России.

3. «Проект Россия»: дискурс Великого инквизитора

«Есть три силы, единственные три силы на земле,
могущие навеки победить и пленить совесть
этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья,
— эти силы: чудо, тайна и авторитет.
Ты отверг и то, и другое,
и третье и сам подал пример тому..
Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде,
тайне и авторитете».
Великий инквизитор

В настоящее время одной из заметных интеллектуальных тенденций стал выход ряда книг анонимных авторов с общим названием «Проект Россия», претендующих на формирование альтернативного властного